

БЕСЪДА ОДИННАДЦАТАЯ.

Въ случайно начавшемся между мною и Шугаевым разговорѣ о происхождѣніи идеи пространства онъ высказалъ мнѣніе, что эта идея не априорна, а опытнаго происхождѣнія и образуется прежде всего изъ ощущеній мускульного чувства, а потомъ изъ соединяющихся съ ними осязательныхъ и зрительныхъ ощущеній, что вполнѣ, по мнѣнію Шугаева, доказано общепринятой теоріей англійской ассоціаціонной психологіи, а въ особенности теоріей Бэна. Оспаривая это мнѣніе, Сократъ доказываетъ, что теоріи англійской психологіи вообще и Бэна въ особенности вовсе не пользуются всеобщимъ признаніемъ и указываетъ на примѣры опроверженія Бэна и въ Англіи, и въ Германіи, и во Франціи. Далѣе Сократъ доказываетъ, что ассоціація, по самой своей сущности, не можетъ служить для образованія идеи пространства изъ ощущеній, которыя не пространственны по своей природѣ. Отсюда, по мнѣнію Сократа, пространство можетъ быть выведено изъ чувственныхъ ощущеній только благодаря логической ошибки, которая называется *petitio principii* или *circulus viciosus*, и что на ней именно основанъ и выводъ Бэна. Послѣ того въ разговорѣ съ Карамазовой, Серебряковой и со мною Сократъ оспариваетъ и опровергаетъ два положенія: одно, что пространство есть о себѣ сущая реальность, и другое, что пространство есть чистое созерцаніе (*Anschauung*) *à priori*.

Въ слѣдующее воскресенье утромъ я отправился на царско-сельскій вокзалъ, чтобыѣхать съ 11-часовымъ поѣздомъ въ Царское Село. Видѣвшись мелькомъ на недѣлѣ съ Сократомъ, я слышалъ отъ него, что, можетъ быть, и онъ съ дочерью поѣдетъ на дачу къ Карамазовымъ съ этимъ же поѣздомъ. Поэтому, взявши билетъ, я, отыскивая глазами Сократа, прошелся по вокзалу, но не замѣтилъ

его ни тамъ, ни на платформѣ, куда я вышелъ, чтобы занять мѣсто въ вагонѣ, такъ какъ уже пробилъ первый звонокъ. Точно также и по прибытии въ Царское Село я, стоя на платформѣ, не встрѣтилъ его между выходившими изъ вагоновъ, но за то увидѣлъ Синайскаго, Красоткина и Шугаева, пріѣхавшихъ на томъ же поѣздѣ. Поздоровавшись съ ними, я предложилъ Синайскому пройтись еще разъ по платформѣ, а Красоткинъ съ Шугаевымъ прямо поѣхали на дачу Карамазовыхъ. Не отыскавъ Сократа, мы съ Синайскимъ, разговаривая, пошли до дачи, которая была недалеко отъ вокзала. пѣшкомъ.

Войдя въ домъ Карамазовыхъ, мы встрѣтили въ гостинной Катерину Ивановну, которая сказала, что, къ ея удивленію, Сократа еще нѣтъ, и предложила намъ пойти на балконъ, гдѣ сидѣть и разговариваются ночевавшій у нихъ Калгановъ и сейчасъ пріѣхавшіе Шугаевъ съ Красоткинымъ. Сама же она пошла позвать мужа, который въ это время былъ занятъ вмѣстѣ съ Иваномъ Федоровичемъ въ своемъ кабинетѣ разборкою какихъ-то бумагъ.

Когда я вышелъ на балконъ, то засталъ Красоткина, Шугаева и Калганова за разговоромъ, по видимому, касавшимся Сократа.

«Нѣтъ, ужъ, сколько хотите, нападайте на его философию, говорилъ съ жаромъ Калгановъ, но его самого напрасно не обижайте! Конечно, выпить онъ любить, но, не смотря на многолѣтнее знакомство съ нимъ, я не могу сказать, чтобы видать его пьянымъ. Такъ немножко на-веселѣ бывалъ, но и то очень рѣдко».

Шугаевъ. Да, вѣдь, и я пьяницей его не называю; но алкоголь все таки алкоголь, а не вода; и хроническое, ежедневное отравленіе себя имъ, по моему, не простительно философу! (Обращаясь къ Красоткину). Такъ-ли по вашей наукѣ, Николай Ивановичъ?

Въ это время подошли къ намъ оба Карамазовы и поздоровались со мной, Шугаевымъ и Красоткинымъ, которыхъ они еще не видали.

Красоткинъ. (Отвѣчая Шугаеву). Конечно, я, какъ врачъ, не могу оправдывать неумѣренного употребленія алкоголя, но въ данномъ случаѣ не считаю его особенно вреднымъ. Хотя философскіе продукты мозга Сократа, по ихъ ненаучности, и не имѣютъ большой

цѣны, но, однако нельзя отрицать, что онъ постоянно работаетъ мозгомъ. Принимая въ соображеніе эту усиленную мозговую дѣятельность, а также и вообще его сильную организацію, я могу смѣло сказать, что другому, можетъ быть, и было-бы вредно потребляемое имъ количество алкоголя, но что ему вреда отъ него не видать.

Карамазовъ Алексѣй. Я съ вами, Николай Ивановичъ, что касается моего пріятеля, Сократа, совершенно согласенъ. Но по поводу сейчашь сказаннаго вами мнѣ приходитъ въ голову слѣдующее недорѣмѣніе. Вы теперь признаете, что у Сократа мозгъ работаетъ много, или, что то-же, этотъ мозгъ тратить значительную силу или энергию, а все таки производить, по вашему, плохіе продукты, т. е., ложныя мысли, между тѣмъ возможно, что мозгъ другого человѣка, можетъ быть, гораздо менѣе работающій, производить хорошия продукты, т. е., истинныя мысли! Если, по общему вашему убѣждѣнію, мысли производятся не душою, а мозгомъ, т. е., его механическими силами, то качество продуктовъ, мнѣ кажется, должно-бы зависѣть только отъ количества энергіи или работы, т. е., что тотъ мозгъ производилъ-бы и болѣе цѣнныя продукты, который болѣе работаетъ, а между тѣмъ относительно Сократа вы этого не допускаете (смѣетесь)... Но, однако, прошу васъ, господа, въ столовую завтра-катъ.

Когда мы пошли въ столовую, то Красоткинъ что-то отвѣчалъ Карамазову, но я не разслышалъ, потому что въ это время заговорилъ со мною Сипайскій. За завтракомъ Шугаевъ между прочимъ обратился къ хозяевамъ съ вопросомъ, пріятно ли имъ будетъ, если онъ привезетъ къ пимъ одного своего дальніяго родственника, который на дняхъ долженъ воротиться изъ за границы, куда онъ былъ посланъ отъ одного изъ русскихъ университетовъ для подготовки къ профессорскому званію, и который занимается философскими науками, въ особенности же психологіей въ самыхъ лучшихъ загра-ничныхъ лабораторіяхъ.

На это Карамазовъ отвѣтилъ, что онъ будетъ очень радъ по-знакомиться съ молодымъ ученымъ философомъ, но при этомъ спро-силъ: «Неужели теперь психологію изучаютъ уже въ лаборато-ріяхъ?»

Шугаевъ. (Съ ироническою снисходительностью). Какъ же! какъ же! Это только у насъ изучаютъ психологію, погружаясь въ глубину собственного духа! Заграницей уже давно въ психологическихъ лабораторіяхъ изслѣдуютъ *психическія явленія* при помощи разныхъ остроумныхъ приборовъ, напр., вертящихся цилиндровъ и т. п. Все подвержено *точному счету* и *измѣренію* въ секундахъ, линіяхъ, миллиметрахъ и ихъ доляхъ. Вотъ это такъ дѣйствительно *точнай и научная* психологія или, какъ можно лучше выразиться, *психографія* и *психометрія*.

Калгановъ. Эти слова, на сколько я помню греческій языкъ, которому учился въ гимназіи, значатъ *душевизображеніе* и *душевизмѣреніе*. Скажите, пожалуйста, въ чемъ же состоять эти науки?

Шугаевъ. (Тѣмъ же тономъ). По моему, нѣтъ надобности во избѣжаніе ложныхъ представлений переводить эти *научные* термины на русскій языкъ. А въ чемъ состоять тѣ науки, въ которыхъ въ наше время изучаютъ психическія явленія, о томъ рекомендую вамъ спросить, вотъ, у того знатока, котораго я, съ согласія хозяина, скоро представлю здѣсь.

Я. Я не знаю этихъ новыхъ, можетъ быть и очень полезныхъ наукъ, но нашъ пріятель, Сократъ Ивановичъ, котораго, къ сожалѣнію, теперь нѣть, вѣроятно, сказалъ-бы, что едва-ли душа можетъ быть изображаема и измѣряема, потому что для этого нужно пространство, а пространство, по его мнѣнію, есть продуктъ или созданіе нашей души. Значить, прежде чѣмъ измѣрять душу, прилагая къ ней пространство, надо ее узнать, какъ существо, творящее это пространство.

Шугаевъ. (Рѣшительно) Для того, чтобы имѣть идею пространства, *не нужно* никакой души. Для этого достаточно намъ только быть способными къ *мозговой дѣятельности* и получать посредствомъ чувствъ впечатлѣнія извѣнѣ, ассоціировать ихъ и образовать конкретные представлениія, а потомъ изъ этихъ представлений отвлекать абстрактныя понятія...

При этихъ словахъ Шугаева въ столовую неожиданно вошелъ Сократъ съ своею дочерью. Поздоровавшись съ хозяевами и со всѣми присутствовавшими, Сократъ объяснилъ, что онъ пріѣхалъ въ

Царское Село еще въ 11-мъ часу, но что вмѣстѣ съ дочерью долго разыскивалъ здѣсь одну изъ ея подругъ, чтобы взять у нея какія-то записки, нужныя для подготовленія къ происходящимъ теперь экзаменамъ.

Затѣмъ, когда Катерина Ивановна, посадивъ около себя Сократа и его дочь, стала угождать ихъ разными закусками и кушаньями, я отвѣчалъ Шугаеву слѣдующимъ образомъ: « мнѣ кажется страннымъ, чтобы послѣ Канта можно было защищать мысль о происхожденіи идеи пространства отъ чувственныхъ ощущеній. По моему, Кантомъ дано вполнѣ убѣдительное доказательство того, что пространство не можетъ быть продуктомъ чувственныхъ ощущеній, напр. зрѣнія и осозанія, получаемыхъ нами посредствомъ впечатлѣній отъ вещей, потому что для представленія и различенія этихъ ощущеній нужно, чтобы мы понимали и различали ихъ *внѣ насъ* и подлѣ или въ различныхъ мѣстахъ относительно другъ друга, т. е., чтобы мы уже имѣли *идею* или *представленіе о пространствѣ*. Точно также Кантомъ доказано, что невозможно отвлечь общее представленіе пространства отъ частныхъ пространствъ, напр., протяженныхъ вещей, подобно тому, какъ мы, напр., отвлекаемъ понятіе бѣлизны отъ отдѣльныхъ бѣлыхъ предметовъ. Пространства отдѣльныхъ вещей, доказываетъ Кантъ, вовсе не суть *образчики* или *примѣры* для образованія *общаго понятія* пространства, подобно тому, какъ та, другая, третья бѣлая вещь суть образчики, которые служатъ основаніемъ для образованія общаго понятія бѣлизны. Эти частные пространства суть *не примѣры* общаго понятія, а *части* одного, обнимающаго всѣ ихъ пространства, которое вовсе не происходитъ изъ нихъ путемъ ихъ присоединенія другъ къ другу, а на-противъ они происходятъ изъ него посредствомъ его ограниченія¹⁾.

Шугаевъ. А по моему, кантовская теоріяaprіорнаго пространства еще могла играть какую-либо роль въ XVIII и началѣ XIX вѣка, когда она имѣла дѣло съ англійскою психологіей Локка или

¹⁾ Для читателей, желающихъ болѣе ознакомиться съ теоріей пространства Канта, я могу указать на мою книгу: «Генезисъ и пр.,», гл. VII—IX.
Примѣч. редактора.

Юма, которые, хотя въ существѣ дѣла и были вполнѣ правы, выводя идею пространства изъ чувственныхъ ощущеній, но не могли надлежащимъ образомъ вывести ее изъ пяти известныхъ тогда чувствъ. Но съ тѣхъ поръ, когда англійская психологія, начиная съ Броуна, обратила вниманіе на мускульное чувство и когда такие современные англійские психологи, какъ напр., Бэнъ, вполнѣ объяснили происхожденіе идеи пространства изъ ощущеній движенья нашихъ органовъ или изъ чувства сокращающихся мускуловъ при этомъ движеніи, то для меня говорить послѣ Бэна о Кантѣ все равно, что говорить о теоріи Птоломея послѣ Коперника.

Досадуя на свое незнакомство съ теоріей Бэна о происхожденіи пространства, но зная, что въ Германіи и до настоящей минуты есть философы, въ существенномъ и особенно въ ученіи о пространствѣ и времени, идущіе за Кантомъ, я отвѣчалъ Шугаеву въ слѣдующихъ словахъ: «Я, къ сожалѣнію, не знакомъ съ теоріей пространства Бэна, но думаю, что въ Германіи современные новокантіанцы, напр., Ланге и другіе, поддерживаютъ Канта, имѣя основаніе считать теоріи о пространствѣ Бэна и вообще англійской психологіи несостоятельными и не опровергающими априоризма Канта. Впрочемъ, я просиль-бы вѣсть въ двухъ словахъ указать мнѣ, какъ Бэнъ производить идею пространства изъ мускульнаго чувства.

Шугаевъ. Мы получаемъ, по Бэну, идею пространства и именно прежде всего линейного и поверхностного протяженія отъ продолжающагося мускульнаго чувства, когда мы двигаемъ какой-либо членъ тѣла, при чмъ сокращаются его мускулы. Это ощущеніе и даетъ въ сознаніи первую идею протяженія, которая потомъ уясняется и развивается вслѣдствіе ассоціаціи съ нею ощущеній осзательныхъ и зрительныхъ, такъ что въ полномъ и окончательномъ своемъ видѣ идея пространства есть продуктъ комплекса и *сочетанія* ощущеній мускульныхъ, осзательныхъ и зрительныхъ. Въ настоящее время эта теорія принята *всю научною* психологіею и нѣть ни одного серьезнаго опроверженія ея, за исключеніемъ отсталыхъ метафизиковъ, которые въ какихъ то щеляхъ жужжать

противъ нея. Я же съ своей стороны считаю безплодною потерю времени обращать на нихъ какое-либо вниманіе.

Послѣ этихъ словъ Шугаева Сократъ, который, позавтракавши, уже пиль чай съ ромомъ, обратился къ намъ съ слѣдующими словами: «извините, господа, если я позволю себѣ перервать вашу бесѣду и обратиться къ вамъ съ просьбой: къ вамъ, Платонъ Михайловичъ, чтобы вы позволили мнѣ продолжать разговоръ за васъ, такъ какъ вы только что сказали, что не знакомы съ теоріей Бэна, а мнѣ случилось нѣсколько познакомиться съ нею; а къ вамъ, Иванъ-Антоновичъ,—съ просьбой дозволить мнѣ сдѣлать замѣчаніе по поводу вашего мнѣнія о теоріи Бэна».

На эти слова Сократа я отвѣчалъ, что съ большимъ удовольствіемъ уступаю ему рѣчь, а Шугаевъ сказалъ, что хотя ему и пора уже уйти, чтобы навѣстить въ Царскомъ Селѣ одного изъ своихъ знакомыхъ, но что онъ еще останется на нѣсколько минутъ и выслушаетъ замѣчаніе Сократа.

Сократъ. Мои замѣчанія на послѣднія слова Ивана Антоновича относятся къ слѣдующимъ тремъ пунктамъ: во-первыхъ, я не только не могу согласиться съ тѣмъ, что будто теорія Бэна о пространствѣ не встрѣтила возраженій, но позволяю себѣ думать, что эти возраженія были весьма серьезны и основательны. Прежде всего такія возраженія были сдѣланы даже въ самой Англіи, напр., профессоромъ Мэгgefфи. Ихъ можно, напр., найти въ одной книгѣ Д. С. Милля, который становится на сторону Бэна и который, думая защищать его отъ Мэгgefфи, оказался въ этой защите весьма слабымъ, что не можетъ ускользнуть отъ всякаго внимательнаго читателя¹⁾. Затѣмъ я могу указать на известную мнѣ критику теоріи

¹⁾ Здѣсь Сократъ имѣеть въ виду цѣлую книгу Д. С. Милля, посвященную имъ разбору философіи Гамильтона, вообще отстаивавшаго съ нѣкоторыми измѣненіями точку зрѣнія Канта. Въ этой книжѣ Милль приводитъ большую цитату проф. Мэгgefфи (Mahaffy) и подвергаетъ ее дѣйствительно слабой и несостоятельной критикѣ. Книга эта есть и въ русскомъ (весьма плохомъ) переводѣ Хмѣлевскаго: «Обзоръ философіи Гамильтона». Примѣч. редактора.

пространства Бэна въ сочиненіи нѣмецкаго ученаго Штумпфа¹). Но самую мѣткую, по моему, критику теоріи Бэна я читалъ у французскаго философа Ренувье, который вмѣстѣ съ его другомъ и сотрудникомъ Пиллономъ ведеть постоянную и упорную борьбу съ англійской ассоціаціонной психологіей вообще и въ особенности съ психологіей Бэна, Милля и Спенсера еще съ 50-хъ годовъ и по сіе время, т. е., въ теченіи болѣе 30 лѣтъ²). Во-вторыхъ, я долженъ замѣтить, что когда Иванъ Антоновичъ, сопоставляя теорію происхожденія идеи пространства Канта съ теоріею происхожденія этой идеи Бэна, ставитъ ихъ въ такія же отношенія, въ какихъ стоять астрономическія теоріи Птоломея и Коперника, то онъ бросаетъ на отношенія ихъ ложный свѣтъ, несоответствующій самой несомнѣнной дѣйствительности. Въ этомъ свѣтѣ отношеніе теорій пространства Канта и Бэна принимаетъ такой видъ, что какъ будто-бы теорія Канта есть нѣчто, вполнѣ устарѣвшее и давно вытѣсненное другою новою теоріею Бэна и вообще англійскихъ сенсуалистовъ, или, по современному модному названію, позитивистовъ, и что какъ будто-бы указаніе на Канта, сдѣланное въ видѣ возраженія противъ теоріи Бэна Платономъ Михайловичемъ или кѣмъ другимъ, есть не болѣе, какъ индивидуальный капризъ реставрировать вполнѣ отжившее свой вѣкъ воззрѣніе. Иванъ Антоновичъ забываетъ о существованіи спора, продолжающагося почти черезъ весь XIX вѣкъ и до сего дня, между двумя теоріями о про-

²⁾ Кроме систематического сочинения Renouvier: «Essais de critique générale: 1) *Traité de logique* et 2) *Traité de psychologie*», Paris. 1875, где находится критика теории Бэна, есть несколько критических статей Renouvier и Pillon'a, касающихся английской эмпирической философии и психологии, помещенных в журнале, который они вместе издавали в течении нескольких лет: «Critique philosophique».

исхождениі пространства, извѣстными въ наукѣ подъ именемъ *нативизма* и *эмпиризма*. Это тѣ же самыя противоположныя воззрѣнія, которыхъ держались въ XVII и XVIII вѣкахъ съ одной стороны Декартъ съ его послѣдователями и съ другой, въ противоположность имъ, англійскіе эмпірики и сенсуалисты, напр., Локкъ и Юмъ. Въ теоріи Декарта идея пространства называлась *врожденною* идею, у Локка же и Юма она считалась производною идею изъ чувственныхъ ощущеній, *эмпірическою*. Въ противоположность Локку и Юму Кантъ опять защищалъ основную мысль картезіанизма, но только подъ другими именами и въ другихъ формахъ. Врожденная идея пространства картезіанизма у Канта стала называться *апріорнымъ созерцаніемъ* (*Anschauung*) или апріорною интуиціею пространства. Затѣмъ уже въ нашемъ столѣтіи образовались *две* большія школы: нативистовъ, которые познаніе протяженія съ относящимися къ нему понятіями измѣреній (длины, ширины, глубины), разстоянія, положенія, формы и проч. считаютъ прирожденными нашей душѣ или же вообще нашей организаціи, нашимъ чувствамъ, и эмпіристовъ, которые считаютъ идею пространства и другихъ съ нею связанныхъ, происходящими изъ опыта, образующимися постепенно изъ чувственныхъ ощущеній или воспріятій, которыя сами по себѣ не пространственны. Слѣдовательно, разница между нативизмомъ и эмпіризмомъ XVII-го, XVIII-го и XIX-го вѣковъ состоитъ главнымъ образомъ въ именахъ и нѣкоторыхъ несущественныхъ видоизмѣненіяхъ, а также и въ томъ, что прежде споръ этихъ двухъ противоположныхъ воззрѣній былъ веденъ въ области метафизики и теоріи познанія, теперь же споръ этотъ ведется преимущественно въ области психологіи и даже въ области физіологіи, такъ какъ въ теченіи нашего столѣтія на той и на другой сторонѣ были не только философы и психологи, но также многіе извѣстные физіологи. Даже самые термины нативизма и эмпіризма введены были, если не ошибаюсь, физіологомъ Гельмгольцемъ, а вообще въ область физіологіи этотъ вопросъ внесенъ, тоже если не ошибаюсь, знаменитымъ физіологомъ Іоганномъ Мюллеромъ, который былъ послѣдователемъ Канта. Съ этой точки зрењія теорія Бэна есть не болѣе, какъ *одна изъ многихъ* теорій эмпіризма, существенная особенность которой

состоить въ томъ, что, по общему обычаю англійской сенсуалистической психологіи, начиная съ Юма, главнымъ орудіемъ всѣхъ психическихъ процессовъ, а въ то-же время и образованія идеи пространства является пресловутая механическая *ассоціація ідей*. Точно также и нативистическая теорія существуетъ не въ одномъ, а въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Само собою разумѣется, что дѣло не обошлось и безъ попытокъ примирить эти противоположныя теоріи. Въ третьихъ...

Но Сократу уже не удалось высказать, что «въ третьихъ», ибо Шугаевъ, взглянувши на часы, всталъ и сказалъ: «извините, Сократъ Ивановичъ, что я могу только заявить о своемъ несогласіи съ вами, хотя и не могу теперь объяснить его, потому что долженъ спѣшить къ своему знакомому, чтобы застать его дома».

Прощаясь съ хозяевами и со всѣми присутствующими, Шугаевъ говорилъ, что, можетъ быть, хотя не навѣрно, онъ сегодня будетъ обѣдать у Карамазовыхъ и тогда возобновить свой споръ съ Сократомъ.

Когда Шугаевъ ушелъ, то Серебрякова, обращаясь къ Сократу, спросила: «можете-ли вы прежде, чѣмъ высказать ваше третье замѣчаніе, разрѣшить, по моему, весьма важный и прежде другихъ требующій объясненія вопросъ о пространствѣ?»

Сократъ. Конечно, можно и отложить «въ третьихъ», если вашъ вопросъ дѣйствительно требуетъ немедленного разрѣшенія.

Серебрякова. Мнѣ кажется, что прежде нежели толковать о происхожденіи идеи пространства, нужно рѣшить существуетъ-ли пространство, какъ вы выражаетесь, само по себѣ, т. е., въ дѣйствительности, или же оно только идея. Тогда, конечно, можно толковать и о происхожденіи этой идеи.

Карамазова. Вотъ и я даже думала, только затруднялась, какъ выразить это. Мнѣ кажется страннымъ толковать о происхожденіи пространства, когда стоитъ только взглянуть вокругъ и указать на пространство (протягивая передъ собою руку и палецъ)! Вѣдь, вотъ оно!

Красоткинъ. Да ужъ, вѣдь, вы въ прошлый разъ, по поводу времени, видѣли, что Сократъ Ивановичъ съ своей философіей ска-

жеть, что того пространства, на которое вы сейчас указываете, нѣть на самомъ дѣлѣ, а что оно существуетъ только въ вашей душѣ. А такъ какъ, по его мнѣнію, душа со всѣмъ, что въ ней ни есть, не въ пространствѣ, то, значитъ, и пространство не въ пространствѣ! Вотъ и разбирай, какъ знаешь, эту философию! (Смѣется).

Сократъ. (Къ Серебряковой). Вотъ, и подтверждение нашему мнѣнію, Анна Михайловна, что было-бы резоннѣе начать разсуждать съ вопроса, существуетъ-ли пространство, потому что тогда, можетъ быть, Николай Ивановичъ и воздержался-бы отъ подшучиванья надъ философией. Но хотя мы съ г. Шугаевымъ уже и начали свои разсужденія не съ того вопроса, который методически долженъ быть рѣшенъ прежде всего, а все таки будемъ продолжать начатыя разсужденія для того, чтобы энергія, на нихъ уже потраченная, не пропала совсѣмъ безплодно; и я надѣюсь, что когда съ согласія всѣхъ присутствующихъ, я докончу мое «въ третьихъ», то мы все таки придемъ къ нѣкоторымъ далеко не безполезнымъ заключеніямъ.

«Итакъ, въ третьихъ, выводъ идеи пространства, сдѣланный Бэномъ, при посредствѣ ассоціаціи мускульныхъ, зрительныхъ и осязательныхъ ощущеній, я считаю несостоятельнымъ, потому что онъ въ основѣ своей заключаетъ, и притомъ неизбѣжно, логическую ошибку: petitio principi или circulus in demonstrando (viciosus). Теорія Бэна предполагаетъ, что ассоціированные элементы или ощущенія чувствъ не пространственны. Ассоціація же ощущеній и представлений, по самому понятію этой теоріи, состоитъ въ томъ, что различные отдѣльные психические элементы вызываютъ другъ друга и соединяются другъ съ другомъ (по законамъ сходства и смежности) въ особя, разнящіяся отъ самихъ соединяющихся сложностями, психическая состоянія. Но въ этихъ сложныхъ состояніяхъ ничего не можетъ появиться совершенно новаго и по своей природѣ специфически отличнаго отъ свойствъ элементовъ, вошедшихъ въ соединеніе или ассоціацію, подобно тому, какъ въ самомъ сложномъ химическомъ тѣлѣ не можетъ появиться, напр., сѣры, золота или желѣза, если ихъ не было въ болѣе простыхъ химическихъ

тѣлахъ, изъ которыхъ составилось сложное. Ассоціація, соединяя то, что было разъединено, и разъединяя то, что было соединено (диссоціація), не превращаетъ одни элементы въ другіе: звуки, ассоцируясь съ цветами, не превращаютъ ихъ въ звуки или же въ запахи. Отсюда, если въ отдѣльныхъ элементахъ ни мускульного, ни зрительного, ни осязательного ощущенія или чувства не было ничего пространственного, то пространственность не можетъ явиться и въ ассоціаціи какъ отдѣльныхъ элементовъ одного изъ этихъ чувствъ, такъ и въ ассоціаціи элементовъ всѣхъ чувствъ, какъ бы много этихъ элементовъ не вошло въ соединеніе. Значитъ, вывести пространственность изъ соединенія не пространственныхъ составныхъ элементовъ можно только тогда, когда мы *тихомолкомъ и софистически* ее туда уже вложили, или когда мы выводимъ ехъ non concessis tantum concessis, т. е. выводимъ то, на что не имѣемъ права, но какъ будто имѣя это право. Что же касается до мускульного чувства, то оно, само по себѣ, есть чрезвычайно неопределенное, темное ощущеніе, а потому и долго было незамѣченнымъ и решительно ничего общаго съ идею пространства не имѣть.

Въ силу всего вышесказанного выводъ Бэнъ пространства изъ непространственныхъ ощущеній внѣшнихъ чувствъ вообще и мускульного чувства въ особенности посредствомъ ассоціаціи и заключаетъ въ себѣ вышеназванныя логическая ошибки. Въ этомъ мы можемъ достаточно убѣдиться хотя-бы только изъ нѣсколькихъ словъ Бэна, въ которыхъ онъ въ самой сокращенной формѣ высказываетъ всю сущность своей теоріи. По его мнѣнію, «продолженіе движенья значитъ для насъ нечто иное, чѣмъ продолженіе мускульного напряженія, а именно: это есть движеніе органа въ пространствѣ»¹⁾. Здѣсь очевидно, что Бэнъ отождествляетъ идею *временной продолжительности* мускульного ощущенія съ идею *движенія*, на что, конечно, онъ никакого права не имѣть, а движеніе, въ свою очередь, необходимо включаетъ идею пространства. Значитъ онъ движение и вмѣстѣ съ нимъ пространство уже включилъ въ ощущеніе

¹⁾) Слова эти дѣйствительно есть у Бэна. См. франц. переводъ сочиненія Бэна (*Les sens et l'intelligence* р. 76). Примѣч. редактора.

длящагося мускульного сокращенія и тѣмъ впалъ въ ошибку: *repetitio principii* или *circulus viciosus*. Точно тотъ же софизмъ мы могли-бы вскрыть и во всѣхъ разсужденіяхъ Бэна, относящихся къ выводу идеи пространства и соединенныхъ съ нею другихъ идей: разстоянія, положенія и проч. По методу Бэна очень легко было бы вывести идею протяженія или пространства и изъ другихъ ощущеній, которыя, по общему признанію, совершенно чужды пространственности, напр., изъ ощущенія звука или запаха. И въ самомъ дѣлѣ, почему-жь бы какой-либо продолжающейся звукъ или запахъ не могъ дать идеи движенія и пространства подобно тому, какъ его, по Бэну, даетъ продолжающееся мускульное напряженіе?

«Теперь, надѣюсь, мы устранили притязанія Шугаева съ Бэномъ вывести пространство изъ чувственныхъ, главнымъ образомъ, мускульныхъ ощущеній и указали на общія основанія, почему такой выводъ невозможенъ. Впослѣдствіи, когда разсмотрѣвши вопросъ, поставленный Анной Михайловной и Катериной Ивановной, мы попытаемся сами вывести идею пространства, то невозможность вывода ея изъ ощущеній для Бэна и вообще для сенсуализма станетъ еще яснѣе. А теперь я пока предложу уважаемымъ собесѣдникамъ перейти на балконъ, гдѣ на вольномъ воздухѣ будетъ пріятнѣе продолжать нашу бесѣду.

Всѣ согласились съ предложеніемъ Сократа и когда размѣстились на балконѣ, онъ обратился къ Карамазовой съ слѣдующими словами:

«Когда люди прибѣгаютъ къ прямому указанію на что-нибудь такъ, какъ сдѣлали вы, пальцемъ или какимъ-либо другимъ способомъ, то это есть только сокращенное приглашеніе кого-либо для убѣжденія въ существованіи чего-либо поглядѣть, пощупать, понюхать и т. под. то, чего, по предположенію указывающаго, этотъ кто-либо не видѣть, не осозаетъ, не чувствуетъ носомъ и т. д. Поэтому, когда вы говорите, указывая пальцемъ: «вотъ пространство», то я могу спросить васъ, что вы этимъ хотите сказать? Что оно того или другого цвѣта? Или, что оно какъ либо пахнетъ, звучить и т. под.? Однимъ словомъ, какимъ чувствомъ я, по вашему, долженъ почувствовать ваше «вотъ».

Карамазова. Конечно, пространство не имѣть цвета или запаха, оно ни твердо, ни мягко и т. д., а все таки оно *тутъ есть*.

Сократъ. Тогда я васъ спрошу, что значитъ: «тутъ». Значить ли это, что пространство помѣщается въ этомъ домѣ, или на этомъ балконѣ, или въ этомъ саду подобно тому, какъ вы или я помѣщаемся тутъ, т. е., на балконѣ?

Карамазова. Ну, конечно, пространство не на балконѣ и не въ городѣ, а *вездѣ*!

Сократъ. Тогда я опять васъ спрошу, что значитъ *вездѣ*. Вотъ, напр., воздухъ; онъ *вездѣ* или не *вездѣ*?

Карамазова. Конечно, *вездѣ* на земномъ шарѣ; по въ пространствѣ между небесными тѣлами, говорятъ, нѣтъ воздуха. Тамъ будто бы есть какой-то эфиръ!

Сократъ. Значить, можетъ быть, эфиръ *вездѣ*? Значить, не есть ли пространство то же, что и эфиръ?

Карамазова. Нѣтъ, должно быть, и самый эфиръ въ пространствѣ!

Сократъ. Значить, у насъ выходитъ такъ, что все помѣщается въ пространствѣ, оно же *нигдѣ не помѣщается*. Слѣдовательно, мы можемъ сказать уже серьезно то же самое, что давеча говорилъ, подшучивая надо мною, Николай Ивановичъ: пространство не находится въ пространствѣ, или проще и точнѣе сказать, оно *нигдѣ*.

Карамазова. Да, вѣдь, вы тоже говорите, что душа *нигдѣ*. Неужели, по вашему, пространство сходно съ душою?

Сократъ. Ни подъ какимъ видомъ! По моему, пространство есть дѣяніе, актъ души и именно такой актъ, который называется мыслью.

Серебрякова. (Къ Сократу). Мудрено какъ-то, что вы говорите! Но вашему, вещи въ пространствѣ, а пространство актъ, т. е., произведеніе души; значитъ, и вещи актъ души! По вашему, значитъ, и *миръ весь производится* нашей душою.

Сократъ. Конечно! Коли условіе всѣхъ вещей или пространство производится нашей душою, то и сами вещи—не дѣйствительныя, конечно, а—которыя расстираются въ немъ, производятся также нашей душою. Да я ужъ, кажется, не разъ говорилъ, что весь міръ

матеріальнихъ, т. е., цвѣтныхъ, пахнущихъ и т. п. вещей самъ по себѣ не существуетъ.

Серебрякова. Ну, пока оставимъ міръ вещей! Я никакъ не могу понять, какъ пространство есть только мысль и не существуетъ въ дѣйствительности. Скажите, пожалуйста, вѣдь, откуда же нибудь мы получаемъ лучи свѣта и теплоты и должны же эти лучи пройти черезъ пространство, чтобы достигнуть до нась и произвести въ нась впечатлѣнія свѣта и теплоты. Вѣдь нужно же вамъ протянуть руку до пепельницы на столѣ, чтобы получить отъ нея ощущеніе осязанія?

Сократъ. То, что вы говорите о лучахъ свѣта и теплоты, которые *посылаетъ* солнце, которые *проходятъ* чрезъ пространство, *достигаютъ* до нась, *трогаютъ*, *ударяютъ* нась, *входятъ* и *производятъ въ насъ* свѣть и теплоту; или, что вы говорите о *впечатлѣніи* пепельницы на нась, на наши нервы, производящемъ въ нась ощущеніе осязанія и т. д. и т. д.—все это для меня никакого реальнаго существованія не имѣеть; все это суть *явленія* нашего сознанія и продукты дѣятельности нашей субстанції, которые служать выражениемъ или значками нашихъ метафизическихъ отношеній къ различнымъ другимъ субстанціямъ. Поэтому, оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о реальности матеріального міра, намъ должно изслѣдоватъ теперь вопросъ о *реальности пространства*, составляющій необходимое условіе для реальности этого матеріального міра. Или иначе спрашивается: существуетъ-ли въ дѣйствительности то, что мы понимаемъ и называемъ пространствомъ. Я съ своей стороны отвѣщаю на этотъ вопросъ *отрицательно*. Я уже разъ касался этого предмета въ разговорѣ¹⁾ съ Николаемъ Ивановичемъ и вы слышали объ этомъ. Тѣ опроверженія, которыя были сдѣланы мною тогда, я теперь *расширилъ и прибавлю* къ нимъ новыя.

«Тогда въ разговорѣ съ Николаемъ Ивановичемъ я указывалъ, что пространство, по понятію своему, или въ силу его признаковъ *непрерывности и безконечной дѣлимости*, какъ въ своемъ цѣломъ, такъ и въ каждой малѣйшей части его, состоитъ изъ безконечнаго

¹⁾ См. Бесѣда I-я, стр. 13 и слѣд.

числа частей, а потому и не можетъ быть чѣмъ либо реальнымъ, а есть только нѣчто мыслимое и воображаемое. Въ поясненіе этого я еще прибавлю то, что сказано было мною въ разговорѣ о времени,—что безконечное число частей, понимаемыхъ какъ готовое или *данное*, заключаетъ въ себѣ *contradictio in adjecto*, т. е., невозможное понятіе *сочитанной или готовой* безконечности. Точно такое же противорѣчіе, какъ въ безконечномъ числѣ частей, заключается и въ понятіи реального безконечнаго протяженія, т. е., опять таки въ мысли о безконечномъ цѣломъ, представляющемъ *готовый синтезъ* безчисленныхъ частныхъ протяженій. Другое возраженіе, которое я тогда въ разговорѣ съ Николаемъ Ивановичемъ сдѣлалъ противъ реального пространства, состоитъ въ томъ, что, при предположеніи его реальности, оно ничѣмъ-бы не разнилось отъ его представлѣнія или понятія. По этому предположенію, *пространство* реальное или *сущее въ* мысли и представлѣнія было-бы совершенно тождественнымъ съ мыслю и представлениемъ о немъ, что противорѣчило-бы тому основному и исходному понятію, что мысль о реальному, или о бытіи, къ которому она относится, *не есть само это реальное и различна отъ него*. Отсюда при тождествѣ пространства, представляемаго и реальнаго, теряетъ свой смыслъ и самый тезисъ, что пространство есть реальность или сущее само по себѣ, а не мысль или представленіе.

«Теперь я, сверхъ высказанныхъ тогда, предложу вамъ еще одно возраженіе противъ реальности пространства, къ которому мы сейчасъ подходили въ нашемъ разговорѣ и которое имѣеть силу какъ для материалистической, такъ и для дуалистической философии. Дѣло въ томъ, что всѣ *материальная реальности* безъ исключенія находятся въ пространствѣ; но само пространство, которое, по предположенію, есть реальное цѣлое, какъ уже было сказано, нигдѣ не находится, слѣдовательно, оно или совсѣмъ не есть реальность, или же оно есть реальность не материальная, какъ напр., мысль, чувство и проч., подобно другимъ реальностямъ, не находящимся въ пространствѣ!

Красоткинъ. (Къ Сократу съ жаромъ). Да позвольте, погодите

плести вашу паутину! По моему, нѣть ничего нелѣпаго, если сказать, что пространство находится въ самомъ себѣ.

Сократъ. Конечно, сказать то можно, какъ вообще можно произвести звукъ или сказать слово, никакого опредѣленнаго смысла не имѣюще, а потому еще и не заключающее въ себѣ никакой явной нелѣпости. Такъ и выраженіе: пространство находится въ самомъ себѣ, не имѣть никакого яснаго смысла, а потому совершенно бесполезно. Слова: находится въ чемъ-нибуть, только и имѣютъ смыслъ съ точки зрѣнія пространства, т. е., что пространство, занимаемое какою либо вещью, находится въ пространствѣ, занимающее какою-либо другою вещью. Но такъ какъ пространство, понимаемое реальнымъ, а не представляемымъ только, заключаетъ въ себѣ пространства всѣхъ вещей, то само оно уже нигдѣ не находится, или, пожалуй, если уже хотите непремѣнно помѣстить его, находится въ другомъ пространствѣ, такомъ же, каково оно само, а это второе въ третьемъ и т. д. въ безконечность. Что выраженіе: находится въ самомъ себѣ, есть *пустое слово*, можно убѣдиться изъ того, что оно можетъ быть употребляемо и относительно духовныхъ, не подлежащихъ пространству, предметовъ. Такъ, напр., можно сказать, что душа, чувство, мысль находятся въ самихъ себѣ; но, очевидно, что эти выраженія бесполезны, ибо никакой опредѣленной мысли въ себѣ не заключаютъ.

«Можно было-бы ограничиться для вашего убѣжденія и сей-часъ высказанными мною возраженіями противъ реальности пространства, если бы *вѣра въ нее* не была столь могущественною не только у необразованныхъ массъ, но даже и у образованныхъ людей, а также и у ученыхъ представителей естествовѣдѣнія, которые, за ничтожными исключеніями, явно или тихомолко призываютъ его реальное существованіе. Но кроме того и значительная часть философскихъ системъ, напр., материализмъ и дуализмъ, также признаютъ реальность пространства. Наконецъ, вовсе не рѣдкость, что и философы, уже стоящіе на *критической точкѣ* зрѣнія, вслѣдствіе непослѣдовательности, философствуютъ такъ, какъ будто принципіально признаютъ реальность пространства. Поэтому я приведу противъ нея и еще нѣсколько аргументовъ.

«Если-бы пространство было реально, то мы имѣли-бы какие-либо твердо определенные и абсолютные *масштабы и мѣры* для измеренія пространственныхъ величинъ, между тѣмъ какъ для нась мыслимы только относительные. Конечно, на это можно сказать, что въ бесконечномъ пространствѣ не можетъ быть абсолютныхъ мѣръ, но сама эта бесконечность, какъ мы видѣли, служить для опроверженія реальности пространства. Если бы пространство было реально, то оно *дѣйствовало-бы* на всѣ другія реальности, отражалось бы въ нихъ какими либо послѣдствіями, т. е., пространство было-бы *причиною* какихъ-либо перемѣнъ въ тѣлахъ, а эти перемѣны были бы *следствіями* воздействиій на нихъ пространства. Но мы всѣ перемѣны въ мірѣ физическомъ или пространственномъ приписываемъ не пространству, какъ таковому, а только физико-химическимъ силамъ, обнаруживающимъ свое дѣйствіе въ пространствѣ. Съ другой стороны и физико-химическія силы дѣйствовали-бы на реальное пространство и, сообразно съ этимъ дѣйствіемъ, постоянно видоизмѣняли-бы его, такъ что такая точная и безусловная наука о пространственныхъ отношеніяхъ, какъ геометрія, едва-ли была-бы возможна. Если-бы пространство было реально, то, по моему, невозможно было-бы физическимъ тѣламъ *свободно помышляться* въ немъ и *быть во взаимодѣйствіи* съ сохраненіемъ всѣхъ тѣхъ отношеній, которые обусловливаются законами дѣятельности физическихъ силъ, присущихъ этимъ тѣламъ. Тогда-бы пространство *своими собственными* реальными силами постоянно препятствовало-бы, напр., той правильности и непреложности, которые обнаруживаются для нась въ законахъ матеріи и ея движений. Значитъ, мы не имѣли-бы не только нашей геометріи, но и другихъ нашихъ наукъ, напр., механики, физики и химіи. Наконецъ, при реальности пространства было-бы совершенно невозможно понятіе *пустого пространства*, потому что все пространство было-бы наполнено своею собственною реальностью, въ чёмъ-бы она ни заключалась.

«Теперь, какъ мнѣ кажется, мы спокойно можемъ считать себя въ безопасности отъ поглощенія тѣмъ чудовищемъ, которое называется бесконечнымъ реальнымъ пространствомъ и которое, по мое-

му, очень похоже на описанное знаменитымъ профессоромъ Тредьяковскимъ: «чудище обло, озорно, стゾѣвно и лаяй».

Я. (Обращаясь къ Сократу). Я вполнѣ согласенъ съ вами, что Бэнъ, выводя пространство изъ мускульного чувства, уже подкладываетъ въ него то, что ему нужно вывести; согласенъ также и съ вашими опроверженіями реальности пространства. Но съ другой стороны опасаюсь, что вы, какъ это было и съ временемъ, отвергнете теорію Канта, что пространство есть «чистое созерцаніе *a priori*». А между тѣмъ я не могу представить себѣ вывода идеи пространства изъ чего-либо другого безъ ошибки, въ которой вы упрекаете сенсуалистовъ, т. е. *petitio principii*.

Сократъ. Хотя несостоятельность *апріоризма* Канта обнаружится еще яснѣе послѣ моего вывода, однако я и теперь скажу нѣсколько словъ противъ него. Одно изъ важныхъ *опровержений* этого апріоризма заключается въ томъ, что какъ известно, пространство, возникающее на основаніи осязательныхъ ощущеній, различится отъ пространства, возникающаго на основаніи зрительныхъ, такъ что слѣпорожденные, которые дѣлаются зрячими послѣ операции, должны употреблять иѣкоторое время усилия для того, чтобы приспособиться и, такъ сказать, перевести знакомое имъ пространство съ языка чувства осязанія на языкъ чувства зрењія. Конечно, это было-бы невозможно, если-бы пространственная интуїція или созерцаніе было-бы прирожденною и, слѣдовательно, заранѣе данною *тождественною формою* для размѣщенія продуктовъ какихъ-бы то ни было ощущеній. Точно также при *apriori*номъ общемъ пространствѣ невозможно было-бы и то, что, напр., пространственные представлени¤ фигуры, величины, направленія, различствуютъ для обоихъ чувствъ: осязанія и зрењія. Даље, если-бы пространство было готовою субъективною формою *a priori*, то было-бы непонятно, какимъ образомъ безконечно-разнообразныя и безчисленныя явленія, относящіяся къ материальному міру, въ основѣ которыхъ лежитъ реальная дѣятельность силъ, могли-бы располагаться въ этой *apriori*ной формѣ, разграничиваться въ ней другъ отъ друга и обозначать въ пространственныхъ образахъ дѣйствія этихъ реальныхъ силъ, причинно отражающіяся въ нашемъ сознаніи по мѣрѣ опыта, или по

мѣрѣ переживанія нами этихъ дѣйствій. Однимъ словомъ, готовая a priori пространственная схема не могла-бы стать формою созерцанія для апостеріорныхъ явлений, или не могла-бы стать тѣмъ, что разумѣеть Кантъ подъ своимъ не яснымъ терминомъ «эмпирической реальности пространства»¹⁾). Что же касается до того, что вамъ трудно представить пространство изъ чего-либо выведеннымъ, то я объясняю это не только вашею личною привычкою подчиняться въ этомъ вліянію Канта и Шопенгауера, но также и общею для всѣхъ людей трудностью отрѣшиться отъ представленія пространства и остановиться мыслю на безпространственномъ бытіи, какъ скоро идея пространства въ нась *уже* совсѣмъ образовалась. Изъ этой трудности объясняется естественная наклонность людей думать, что пространство есть какъ-бы какой-то сосудъ или вещь, въ которой помѣщаются всѣ другія вещи, вообще что оно есть о себѣущая реальность. Если же критическая философія уже какъ-либо *привела насъ* къ сомнѣнію въ этой реальности и къ ея отверженію, то у насъ естественно можетъ образоваться другая склонность считать егоaprіорною формою для распределенія явлений нашего чувственного опыта. Имѣя въ виду ваше убѣжденіе въaprіорности идеи пространства, я совсѣмъ вамъ, какъ можно строже слѣдить за мной, когда я буду дѣлать ея выводъ, чтобы я какъ либо, конечно, не сознавая того самъ, тоже не сдѣлалъ бы ошибки, называемой *petitio principii*. Если вы въ таковой меня подловите, то не только утверждитесь въ вашемъ настоящемъ убѣжденіи, но и мнѣ сдѣлаете пользу, освободивъ меня отъ заблужденія.

Синайскій. (Обращаясь къ Сократу). Въ то время, когда вы опровергали реальность пространства и далѣе когда сейчасъ говорили противъaprіорности его идеи, меня начало беспокоить нѣкоторое недоумѣніе, которое я хочу сообщить вамъ теперь. Въ обопѣхъ этихъ случаихъ вы употребляли такія выраженія, которыя побуждаютъ думать, что въ образованіи у насъ идеи пространства играетъ не малую роль то, что называется впечатлѣніями реального міра на

¹⁾) См. по поводу этого мое изложеніе и критику теоріи пространства Канта въ книгѣ: «Генезисъ и проч., гл. VII». Прим. ред.

наши чувства, и что поэтому въ пространствѣ есть нѣчто реальное. Но эту мысль, мнѣ кажется, нельзя согласить съ вашимъ утвержденіемъ, что пространство есть вообще продуктъ дѣятельности нашей субстанціи и въ частности, что его идя есть продуктъ нашего мышленія, а не чувственного ощущенія.

Сократъ. Однако, мои почтенные собесѣдники люди на столько строгіе, что съ ними, что называется, нужно держать ухо остро! Мои выраженія, которыя навели васъ, Петръ Семеновичъ, на подозрѣніе, что я вхожу въ противорѣчіе съ собою, до нѣкоторой степени неустранимы въ силу большой неточности нашего обще-употребительного языка. Но, однако, я надѣюсь, что послѣ моего вывода идеи пространства ваше подозрѣніе въ моемъ противорѣчіи устранится. Если-же что-либо отъ него и останется, то оно окончательно исчезнетъ, когда я объясню съ одной стороны происхожденіе и идеальный характеръ понятій матеріи и движенія, а съ другой укажу на тѣ реальности, которыя вызываютъ эти понятія. А пока предложу и вамъ присоединиться къ Платону Михайловичу для наблюденія за ходомъ моей мысли при выводѣ идеи пространства и требовать отъ меня объясненія вездѣ, гдѣ для васъ окажется что-либо недостаточно яснымъ и опредѣленнымъ.

Послѣ этихъ словъ Сократъ предложилъ всѣмъ присутствующимъ сдѣлать до обѣда прогулку въ царскосельскомъ паркѣ, на что и послѣдовало общее согласіе.